

Темнота укрыла меня в своих объятиях, и я не знаю, сколько пробыла в ней. Тут не существовало ни времени, ни пространства, темнота, как бы это странно не звучало, просто была. Постепенно мысли замедлялись, а события прошедшей жизни меркли, с них как бы исчезали краски. Впрочем, через какое-то время темнота начала меняться, и я поняла, что она уже не такая однородная. Еще спустя какое-то время, я ощутила непонятную мне силу, и меня буквально впечатало во что-то. Прошло еще непонятное количество времени, и вот перед моим взором возникла необычайно мутная картинка и донеслись отголоски звуков, а я сама, как это ни парадоксально звучало, ощутила чье-то присутствие возле себя. Время шло, картинка становилась четче, а звуки понятней, и вскоре я с удивлением поняла, что по ту сторону преграды говорят на японском, а сама я как бы смотрю на мир глазами ребенка. Хотя правильней будет сказать, что не только смотрю, но и слушаю и даже ощущаю слабые отголоски его чувств. Поразительно, но ни удивления, никаких других эмоций это не вызвало. Я просто смирилась, а потом стали появляться отголоски привычных мне чувств и я стала собирать себя по частям. Постепенно начала восстанавливаться память, чувства, и в результате проснулось любопытство и честолюбие будущего лингвиста.

Изголодавшийся по информации мозг, вцепился мертвой хваткой в новый единственный доступный мне способ добычи новых данных. Каждый сеанс связи с реальным миром стал для меня праздником, и я начинала смаковать подробности увиденного. Опыт общения на трех языках помогал и тут, спустя некоторое время, точно сказать не берусь (у меня отсутствовало ощущение дня и ночи, ребенок спал, я плавала в темноте), но года за полтора точно (ребенок стал относительно уверенно ходить на своих ногах), я уже спокойно понимала разговорный японский и знала имя ребенка, чьими глазами смотрела, и имена его родителей. Выяснилось, что девочку звали Тсунаеши Савада, а родителей Нана и Иемицу Савада, жили они в небольшом городке под названием Намимори. Мать девочки была типичной домохозяйкой, которая посвящала все время ребенку и дому, зато отец мог пропадать неделями непонятно где, чем очень напомнил мне моего родителя. Однако, семья была на удивление дружной и стоило Иемицу вернуться, как он тут же устраивал какое-нибудь развлечение своим родным. Уууу, где только это бедное дите не таскали! Ладно, парк развлечений и зоопарк, но зачем было Тсуну тащить на выставку картин? Или устраивать пикник неподалеку от лошадиной фермы? Я когда ее глазами этих зверюг увидела, сама испугалась и это несмотря на то, что я все эмоции чувствовала очень слабо!

В общем, так они и жили, мама готовила и убиралась, вечерами дожидаясь отца семейства, а Тсуна играла. Причем, девочка была поразительно неуклюжа, получая синяков и ссадин в два раза больше, чем оба моих братишек вместе взятые. Даже там, где их по определению получить было нельзя! Плюс еще и патологическая боязнь собак, но дикая и необъяснимая любовь к кошкам. Ну, я бы могла долго перечислять все то, что в совокупности образовывало этого ребенка, но не буду, разве отмечу отдельно, что у нее было поразительно развито шестое

чувство. Угу, то самое, которое иногда приписывают пятой точке и называют неприятностями. Правда, она как-то странно их чувствовала, всегда становясь эпицентром и не получая по чужой вине ни царапины, зато сама могла тут же споткнуться об свою же ногу. Поразительный феномен, но с другой стороны это было поправимо, помнится мне в самом начале, когда я только-только пришла на гимнастику, показывали разные упражнения на координацию, да и дед любил гонять меня по специально созданным турникам. В общем, в случае чего, я знала, как улучшить рефлекс, но это я.

Мои знания — это мои знания, а не Тсуны, и как ей их передать я не знала, между нами по-прежнему была прозрачная, но от этого не менее прочная преграда, которая отказывалась сдаваться под моим натиском. Вот и приходилось довольствоваться ролью безмолвного наблюдателя, радуясь, что эмоции не окончательно восстановились и скука или зависть мне на данный момент неведомы, иначе бы было совсем худо. Не спасло даже то, что я периодически повторяла в уме все прочитанные мной книги на известных мне языках, боясь, что все позабуду. Все же без практики постепенно забываются языки, а мне хотелось этого избежать. Они были еще одной памятью о моем дедушке и о том, что я когда-то была жива и имела семью. Пусть не самую большую и дружную, но она у меня была, и я искренне считала это главным.

Правда, я старалась не отчаиваться и старательно долбилась в эту преграду, желая если не убрать ее совсем, то хотя бы проковырять малюсенькую дырочку. Получалось плохо, результатов особых не было, но через непонятно какую попытку, я стала ощущать, что преграда в одной точке истончилась. Я стала лучше ощущать эмоции Тсуны, но до нее самой достучаться не могла. Хотя я и не ставила перед собой такой цели, я просто не хотела быть безмолвным наблюдателем, я хотела помочь, но... я не знала, в чем это будет заключаться. Я вообще старалась не думать, что случится, когда рухнет барьер, отделяющий наши сознания. Может мы самоуничтожимся, а может сольемся в одну личность, но просто сидеть сложа руки уже не могла, со временем контролировать свои чувства и желания стало труднее. Однако, навредить ребенку я не желала, поэтому старалась делать все аккуратно и постепенно. На что я тогда надеялась? Я и сама не знаю, все равно возвращения к прошлой жизни мне было не видать.

Впрочем, долго эта идиллия не продлилась. Мне было неизвестно, сколько времени прошло снаружи, но в зеркале напротив раковины в ванной, отражался ребенок лет четырех-пяти. Хотя это было не главным, в тот день... хм... как бы это сказать... а! Точно! В общем, примерно пять десятков смен бодрствования и сна Тсуны, ее отца не было дома, а после он приехал и целую неделю посвятил дочери! Небывалое событие на моей памяти, обычно того не было по десять-пятнадцать подобных смен, а потом он четыре-восемь оставался дома и снова уезжал, а тут нет! Даже наоборот, он прихватил своих домочадцев, чтобы куда-то привезти. Это куда-то оказался аэропорт, где мы встретили... старика, поразительно напоминающего мне Сандайме из аниме Наруто. Нет, не внешностью, а улыбкой и выражением глаз. Не знаю, как другие, но

я всегда смотрела на Хирузена неприязненно, уж слишком у него все складно выходило, зато сироты плодились, как грибы после дождя. Причем, сироты не из обычных семей, где одно или два поколения были шиноби, а из Великих Кланов! Это как надо было постараться, чтобы подобное произошло? Вот и я даже не подозреваю, зато в официальную версию его хорошеи никогда не верила. Вот и сейчас, увидев этого старикашку и проведя аналогию, могу сразу сказать, что он мне очень не понравился, зато Тсуна восприняла его нормально.

Не знаю, кем тот старик был на самом деле, но то, что не обычным денди — точно, уж слишком те шкафы, что его сопровождали, матерых убийц напоминали. Походка, взгляд и манера держаться, все, как мне рассказывал и показывал дед, пока был жив. Правда, и сам дедуля был таким же, да и в целом, как он оглядывал местность и цепко смотрел на собеседников, сильно напоминало мне поведение уже не этих шкафчиков, а встречаемого старикашку. Хотя нет, от деда шла уверенность и сила, а от старика власть и непоколебимая уверенность в праве распоряжаться чужими жизнями. Впрочем, он старательно это маскировал за мягкой улыбкой и лукаво сощуренными глазами, но вот я видела, что это не лукавый прищур, а попытка скрыть холод в глазах. Реально, как под дулом пистолета стоишь! Но этого никто не видел и не чувствовал, даже Тсуна, которая обычно хорошо (по крайней мере лучше меня) чувствовала людей. Странно, даже очень, но сделать я опять ничего не могла, мой удел был только наблюдать.

Разговор между родителями и этим стариком был на неизвестном мне языке, в котором я с изумлением опознала итальянский. Ну, а после, только ради Тсуны, они перешли на японский, но уже ни о чем серьезном не говорили, зато нам представили старика, сообщив что его зовут господин Тимотео. Непривычное для японцев обращение, впрочем, внешность отца, как и матери, малышки, тоже была далеко не японская, поэтому я уже не удивлялась, хотя и вздохнула (вернее попыталась, тела-то своего у меня не было) с тоской, что до словарей не добраться и не узнать, о чем те говорили. Впрочем, вскоре я начинала грустить уже из-за другой причины, слушать сюсюканье и специальное коверканье слов в общении с Тсуной, меня искренне напрягло. Помню, в свое время, я так хотела с братьями разговаривать, так бабушка мне целую лекцию прочла о том, что это делать нельзя, а главное, почему нельзя. Списком возможных последствий такого сюсюканья я тогда сильно впечатлилась и в дальнейшем все слова старалась говорить правильно. Ну, а тут никак повлиять на происходящее я не могла, да я даже отключиться от слуха ребенка возможности не имела! Вот и приходилось слушать, благо, вскоре они сели в машину и Тсуна задремала, а я вновь погрузилась в темноту, сюсюканье исчезло, а когда девочка проснулась, на нее уже почти не обращали внимания, что нас обеих устраивало, и она тихонько играла в своей комнате.

Тимотео пробыл у них в гостях еще неделю, в течение которой он внимательно приглядывался (скорее даже оценивал, как придирчивый покупатель мясо на рынке) к Тсуне, а каждый вечер рассказывал сказки. Нет, ну, допустим про группу людей, создавших Виджиланте, чтобы помогать нуждающимся, я поверила, как и в то, что после они стали бандой мафией тоже, но

вот в то, что она была благородной... ну, сказка на то и сказка, чтобы случались невозможные вещи. Только вот взгляд у старикашки при этом был таким, что я начинала думать, что в основе его рассказов лежали реальные события и говорил он про реальных людей. Впрочем, мой интерес мог бы так и остаться интересом, если бы не малышка Тсуна! Эта умничка спросила про то, какими были эти Виджиланте! Уж не знаю почему, но Тимотео ответил, что их было семеро: Джи — преданный соратник и друг, всегда идущий в острие атаки, он ураган, сметающий врагов семьи; Асари Угетсу — он дождь, что смывает все тревоги и беды, он спокойствие и стабильность; Кнакл — яркое солнце, что пробьет своим телом любую преграду; Лампо — он громоотвод, что уведет от семьи все беды; Деймон Спейд — скрывающий и запутывающий всех туман, что не позволит опасности приблизиться к семье; Алауди — гордое, но одинокое облако, что заботится о всех издали; ну и самый последний — Джотто, всепрощающее небо, которое объединяло их всех, так называемый босс семьи позже ставшей Вонголой.

Красивая история, живые герои, смахивающие характерами на описанные погодные явления, но вот то, что имя придуманной стариком созвучно с названием кампании, в которой якобы работает отец Тсуны, мне не понравилось. Уж очень плохая картинка получалась, но вот малышка была в восторге. Я ее понимала, сама в таком возрасте таскалась за дедом и требовала рассказов о его героическом прошлом, пока не выросла и не услышала: «в разведке нет красивых подвигов, которых показывают в современных фильмах, только пот, кровь и стоящая за спиной старуха с косой, а так же знание, что невыполненное задание — смерть сотен, а то и тысяч сограждан». Помню, я тогда не поверила ему, но отстала, зато позже, услышала пару его откровений во время обучения самозащите. Он мне тогда немного рассказал, стараясь пробудить стремление к знаниям, я впечатлилась, но особых успехов все равно не достигла, а после он умер, потом умерла мама, ну и я решила взять заботу о братьях на себя и времени стало вообще ни на что не хватать. Правда, простую истину, что интересный рассказ и реальность - разные вещи, я уяснила крепко.

Однако мой скептицизм не поддерживался Тсуной, а значит, каждый вечер слушала уже набившие оскомину рассказы о великолепной семерке, а после погружалась в темноту и начинала с остервенением долбиться в разделяющую нас преграду. Меня переполняла решимость достучаться до ребенка и предостеречь, рассказать, что этот старикашка не так уж хорош, указать ей, что тот смотрит на нее, как на товар. Дорогой и нужный, но не более. Правда, когда девочка вновь открыла глаза, я так и не смогла пробиться, но преграда как будто стала еще тоньше, что меня несказанно воодушевило, теперь не хватало последнего толчка, чтобы мы наконец-таки встретились. Меня уже не волновало, что я не знаю последствий, просто я ощущала, что скоро случится что-то непоправимое, что навсегда изменит мой мир и не только мой, что было в сотни раз хуже.

Впрочем, в тот день я немного успокоилась, ведь из речей взрослых я узнала, что Тимотео скоро покинет наш скромный домик и улетит назад в Италию. Искренне порадовалась и, была

бы возможность, я бы ему вслед платочком поразмахивала, но, чего нет, того нет. Однако я на свою беду расслабилась, хотя, с другой стороны, я бы все равно ничего поделать бы не смогла, но обо всем по порядку. Думаю, любой мог понять, что я видела и слышала реальность только тогда, когда Тсуна не спала, но влиять на нее или говорить с ней я не могла. Вот и в тот день, наблюдая за ее привычным распорядком дня завтрак-игры-обед-игры-ужин-сказка-спать, вернее пока только завтрак-игра, я была спокойна. Плохо стало, когда на ребенка вновь накинута выпущенная в наш внутренний дворик соседская болонка, которая не просто накинута на девочку, но и вцепилась ей в ногу. Судя по тому, как по ее ноге потекла кровь, а она отчаянно закричала, боль была адская, а потом... я не знаю, как так получилось. Я хотела ее исцелить и утешить, а желанием Тсуны было избавиться от боли, защититься. Собачонку откинула волна рыжеватого пламени, а ранка от укуса запеклась.

На крик боли и страха прибежал Иемицу и Тимотео, они успели заметить отсветы гаснущего Пламени и повели себя странно. Если отец Тсуны замер, так и не кинувшись успокаивать свою дочь, то вот старик времени не терял. Быстро подскочив к девочке, он подхватил ее на руки, от неожиданности малышка замолчала и перевела на него глаза, в которых все расплывалось из-за слез. Однако даже таким зрением я успела заметить, как указательный палец Тимотео загорелся очень похожим по цвету с примененным нами ранее огоньком, а после он ткнул им Тсуне в лоб. Первая мысль — зачем? А вот второй уже не было, возникло ощущение, что наши с Тсуной души окружил барьер из очень и очень плотной субстанции, похожей на рыжеватое стекло и он стал стремительно сужаться. Паника, вот что ощутила я. Все барьеры, что столько времени сдерживали мои эмоции, рухнули и меня затопил животный страх. Внезапно пришло понимание, что ни я, ни Тсуна поодиночке не выживем. Удача отвернулась от нас, осталась только вера и надежда на лучшее.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/55953/1426701>